

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (КБНЦ РАН)

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

На правах рукописи

Сокурова Замират Зуберовна

**ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАБАРДИНО-
ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА С ИМПЛИЦИТНЫМ СМЫСЛОМ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (кавказские языки)

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

Нальчик-2018

Работа выполнена на кафедре языкознания и литературоведения Научно-образовательного центра КБНЦ РАН.

Научный руководитель:

Бижоев Борис Чамалович
доктор филологических наук,

Рецензенты:

Шомахова Татьяна Массовна
доктор филологических наук

Карданов Мусадин Латифович
кандидат филологических наук

© 3.3. Сокурова, 2018

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В адыгском языкознании лексико-синтаксические конструкции с имплицитным смыслом до настоящего времени не подвержены комплексно-системному анализу. Актуальность темы данного исследования продиктована необходимостью восполнения существующих пробелов в изучении имплицитности на разных уровнях языка. Выявлением сути понятия имплицитности, определением его основного содержания, исследованием вербальных высказываний и лексико-синтаксических конструкций кабардино-черкесского языка, несущих в себе имплицитную информацию, а также изучением имплицитности, как одного из значимых элементов художественного текста, в целом, обусловлена актуальность представленной выпускной научно-квалификационной работы (диссертации).

Объектом исследования являются лексические единицы и лексико-синтаксические конструкции кабардино-черкесского языка с имплицитным смыслом. При этом делается акцент на лексико-синтаксических средствах, позволяющих передавать имплицитную информацию в кабардино-черкесском языке.

Предметом исследования являются способы и формы передачи имплицитной информации на разных лексико-синтаксических уровнях кабардино-черкесского языка. Одновременно явление имплицитности исследуется в когнитивном ракурсе – с позиции конструирования смысла.

Цель работы заключается в исследовании содержания имплицитной информации и способов ее выявления в кабардино-черкесском языке.

Необходимостью достижения обозначенной цели продиктовано решение следующих **задач**:

– изучить лексические единицы и лексико-синтаксические конструкции кабардино-черкесского языка, характеризующиеся асимметричностью плана содержания и плана выражения, т.е. наличием имплицитного смысла;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ между лексическими единицами, лексико-синтаксическими конструкциями с имплицитным смыслом и их полными структурами;
- выявить, описать и систематизировать различные виды имплицитности;
- исследовать процесс формирования, функционирования и передачи имплицитности в вербальной коммуникации;
- изучить имплицитность литературного языка;
- проанализировать явление имплицитности в художественном тексте.

Методы исследования. В работе предпринята попытка изучения проблемы имплицитности с двух точек зрения – структурной и семантической, поскольку на современном этапе развития языковых исследований только такой подход способствует адекватному описанию языковых единиц. Исходя из этого и в соответствии с поставленными задачами, одним из основных в представленной работе стал метод описания. Вместе с ним в исследовании используются контекстуальный (при выведении имплицита из контекста) и компонентный (при выявлении имплицитной информации, содержащейся в лексических единицах и лексико-синтаксических конструкциях) методы анализа. В работе частично использован и метод семантического определения (при расшифровке имплицитной информации, содержащейся в лексических единицах и лексико-синтаксических конструкциях).

Научная новизна выпускной квалификационной работы (диссертации) заключается в том, что имплицитность и, в частности лексико-синтаксические конструкции кабардино-черкесского языка с имплицитным смыслом впервые подвержены монографическому исследованию. Определены языковые структуры, несущие в себе имплицитную информацию, а также выделены разновидности имплицитности, проведена классификация типов имплицитности.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и типологизации лексических единиц и лексико-синтаксических структур, несущих в себе имплицитную информацию, вычленении составных элементов имплицитной информации, выявлении ее разновидностей.

Исследование проблемы имплицитности позволит представить общую картину соотношения эксплицитного и имплицитного в языке, а также внесет вклад в изучение малоизученных вопросов языкознания. Теоретическая основа работы направлена на выявление особенностей соотношения плана содержания и плана выражения, содержания и формы в языке.

Практическая значимость квалификационной работы определена тем, что результаты проведенного в ней исследования могут быть полезны при дальнейшем исследовании явления имплицитности в адыгской лингвистике, а также при разработке курсов по лингвокультурологии, стилистике, определении тематики курсовых и дипломных работ, магистерских и диссертационных исследований.

Методологическую базу исследования составляют принципы и способы изучения явления имплицитности, использованные в трудах И.В. Арнольда (1982), Н.Д. Арутюновой (1973, 1976, 1981, 1988, 1990, 1998, 1999, 2005), Е.Г. Борисовой и Ю.С. Мартемьянова (1999), Е.М. Верещагина (1973, 2005), В.В. Виноградова (1969, 1975), К.А. Долинина (1983: эл. ресурс), Е.В. Ермаковой (2010), В.А. Звегинцева (1983, 2001), Л.А. Исаевой (1996, 1997), А.В. Кашичкина (2003), Л.В. Лисоченко (1992), Е.В. Падучевой (1981, 2007), Ф.Б. Ситдиковой (2007), Д.В. Хворостина (2006), Е.И. Шнедельса (1977) и других исследователей.

Эмпирическую базу работы составили художественные произведения классиков кабардино-черкесской литературы. В частности, компонентному анализу подвергались различные аспекты смысла высказывания с акцентированием внимания на способах его знакового выражения. Исследовалась имплицитность вербальной коммуникации на примере бесед,

проведенных автором настоящей работы с людьми разных возрастных категорий и социального статуса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Имплицитность представляет собой неявно выраженные, скрытые и подразумеваемые значения, выводимые из явно, открыто, вербализировано выраженного смысла с помощью привлечения фоновых знаний, контекста и интенций отправителя информации.

2. Основным признаком имплицитности является асимметрия плана содержания и плана выражения, а также несоответствие между грамматической и пропозиционной структурами в синтаксических конструкциях. Имплицитность связана с законом экономии речи.

3. В кабардино-черкесском языке проявляются два вида имплицитности – контекстуально-ситуативная (требующая для своей экспликации знание контекста и коммуникативной ситуации) и системно-языковая (опирающаяся на общие знания коммуникантов о мире, грамматической системе языка, языковой картине мира и т.д.).

4. Имплицитность является универсальным и уникальным явлением, пронизывающее все уровни языка, начиная от лексемы, заканчивая сложноподчиненным предложением и текстом. В кабардино-черкесском языке имплицитность функционирует уже на уровне лексики, в частности лексемы, внутри которой наблюдается асимметрия между денотатом и сигнификатом. В частности данное явление наблюдается в аббревиатурах и сокращениях, местоимениях и местоименных словах, словах-заменителях, тропах, собственных именах, словах со специфической ограничительной или добавочной семантикой, жаргонизмах и молодежных сленгах.

5. Уровень словосочетания кабардино-черкесского языка в ракурсе проводимого исследования характеризуется наличием имплицитного смысла в сочетаниях лексем с пропущенными (или выпавшими) логическими элементами, семантико-синтаксических стяжениях, синтаксических

синонимических рядах, фразеологизмах и идиомах, эвфемизмах, образных сравнительных словосочетаниях с неявно выраженной (скрытой) семантикой.

6. На синтаксическом уровне имплицитность проявляется в простых, сложносочиненных и сложноподчиненных конструкциях. Уникальным в исследуемом языке является функционирование в ней индефинитного типа конструкций, в которых наблюдается высшая степень имплицитирования информации.

7. Формами проявления имплицитности на уровне сложносочиненного предложения являются зевгмы (зевгматические предложения); эллиптические предложения; конструкции пояснительно-изъяснительного характера; бессоюзные предложения с условным и условно-вопросительным значением; бессоюзные предложения, предикативные части которых соединены временными отношениями.

8. На уровне сложноподчиненного предложения имплицитность проявляется на семантическом и структурном уровнях конструкций, предикативные части которых связаны причинно-следственными отношениями. При этом в кабардино-черкесском языке нет конкретной синтаксической формы проявления имплицитности. В каждой конструкции данное явление проявляется и функционирует по-разному.

Апробация результатов исследования. По теме исследования опубликована статья «Исследование понятия имплицитности в отечественной и кабардино-черкесской лингвистике» в рецензируемом журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2017).

Структура работы обусловлена ее целями и задачами и состоит из введения, трех глав (подразделяющихся на параграфы и подпараграфы), заключения и библиографического списка.

При исследовании имплицитных процессов в языке мы опирались на основные характеристики кабардино-черкесской языковой картины мира.

Основное содержание исследования

За последние два десятка лет наблюдается усиление интереса ученых к исследованию имплицитности и способам выражения имплицитной (скрытой, опосредованной, неявной, т.е. не воспроизводимой в языковых знаках) информации. Данный факт стал генератором проведения учеными-языковедами исследований, базирующихся на «глубинных» явлениях языка. Результатом явилось то, что проблема имплицитности стала основным предметом исследования в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей разных времен. Еще в 1972 году С.Д. Кацнельсон справедливо отметил, что «когда четко обозначилась неудача теорий, односторонне ориентированных на внешнюю форму, интерес к содержательной стороне языка, к его «глубинным» структурам снова возрос» [Кацнельсон 1972: 4]. В последующие периоды теория имплицитности получила широкое освещение в трудах Л.В. Щербы (1974), А.В. Бондарко (1978), И.В. Арнольда (1982), К.А. Долинина (1983), С.Г. Краже (1986), М.В. Никитина (1988), Г.П. Грайса (1985, 1991), Л.Г. Брутяна (1992), Н.Д. Арутюновой (1985, 1999), О.С. Сыщикова (2000), В.А. Звегинцева (2001), А.В. Кашичкина (2003), Е.В. Падучевой (2004), Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (2005), И.Р. Гальперина (2006), Дж. Лича (2014) и др.

В современной науке изучение проблемы имплицитности локализовано в разных ее областях – философии, информатике, лингвистике (прагматике, семасиологии, коммуникативной лингвистике), психолингвистике, когнитивной психологии. В последней есть понятия «имплицитного знания», «имплицитной памяти», «имплицитного обучения» и т.п. В данной области науки имплицитное знание связывается с уникальными способностями человеческого мозга к автоматизированному распознаванию информации, не выведенной на распознаваемый уровень посредством языковых обозначений.

На современном этапе своего развития наука о языке выходит на новый уровень разрешения проблемы имплицитности, учитывая

достижения других сфер в изучении данного вопроса. При этом подчеркивается и выдвигается на передний план тот факт, что содержание информации не ограничивается его составляющими, опознаваемыми в языковых знаках, а характеризуется наличием элементов, распознаваемых слушателем с помощью побочных средств и дополнительных усилий – например, контекста, речевой ситуации, интуитивного восстановления опущенных информационных элементов и т.д.

В трудах многих исследователей имплицитность представлена как языковая универсалия. Между тем в настоящее время наука о языке не располагает единой концепцией имплицитности, которая базировалась бы на системном описании разноуровневых языковых конструкций с «неявно выраженным» смыслом, хотя на сегодняшний день существует много причин, указывающих на необходимость именно такой постановки вопроса. Другими словами, как в отечественном, так и в адыгском языкознании назрел вопрос о комплексном всестороннем исследовании языковых конструкций с имплицитным смыслом.

Во *Введении* выпускной научно-квалификационной работы (диссертации) указаны цели и задачи исследования, обоснована актуальность и новизна, обозначена методологическая база, теоретическая и практическая значимость работы, объект и предмет изучения, сформулированы выводы, выносимые на защиту, описана структура исследования.

В первой главе «Теория имплицитности: история изучения проблемы», состоящей из пяти параграфов, изучены теоретические основы исследования, обозначена необходимая научная терминология и проведен обзор материала по предмету и объекту анализа. В частности, рассмотрены такие проблемы, как:

- логико-философская теория имплицитности;
- явление имплицитности в психологии;
- теоретико-методологическая база исследования имплицитности;
- постановка проблемы и определение понятия имплицитности в языке.

Зарождение проблемы имплицитности датируется глубокой древностью. В разные эпохи она стала объектом пристального внимания философов, логиков, психологов, лингвистов. На сегодняшний день имплицитность признается явлением, свойственным языку во всех областях его применения и функционирования. Именно поэтому она стала объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов и литературоведов.

Достижением науки за последние несколько десятилетий стало осмысление имплицитности с позиций философии обыденного языка. Данный процесс непосредственно коррелирован с эволюцией прагматики. Иначе говоря, лингвистами было замечено, что функции коммуникантов сводятся не только к опознаванию языковых знаков, и что содержание сообщения также структурируется посредством дополнительных усилий реципиента [Имплицитность в языке и речи 1999: 7].

В современной лингвистике существует множество понятий и терминов, близких имплицитности. Причина данного явления обусловлена тем, что имплицитность, будучи универсальной языковой категорией, исследуется не только в языкознании. За последние несколько десятков лет актуализировались философские, психологические, логико-прагматические и когнитивные аспекты ее изучения. В настоящее время нет единого мнения о термине «имплицитность», и чаще всего в трудах исследователей наблюдаются подразумевания под ним различных языковых явлений. Именно этим объясняется возникновение новых терминов и понятий, ассоциируемых с имплицитностью – импликации, импликатуры, пресуппозиции, импликационала, лингвистического эллипсиса, коннотации, подтекста, инференции, исходного предположения вопроса, вводных компонентов и т.д.

В исследовании имплицитности и близких ей понятий важную роль сыграли логико-философские и лингвофилософские учения, в которых были выявлены особенности взаимоотношений сообщения и предпосылок сообщаемого, что послужило толчком к исследованию ассиметрии плана

содержания и плана выражения высказывания, как основного признака наличия в нем имплицитного смысла. В современной лингвистике, как и в логике, актуализировалось употребление логических фигур при структурировании разных языковых конструкций – предложений, сверхфразовых единств, текстов.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать существование имплицитных процессов, которые являются новой научно обоснованной реальностью. В той или иной степени имплицитные процессы исследованы в разных областях зарубежной психологии, в частности, они изучены психологией личности, социальной психологией, клинической психологией, нейропсихологией, когнитивной психологией. При этом исследователями акцентировалось влияние неосознаваемых (имплицитных) процессов на когнитивные явления, характер личности, ее поведение.

«Имплицитность» представляет собой одно из междисциплинарных понятий, выступающих связующим звеном между филологией и психологией. В современной науке, как в психологии, так и филологии, исследования имплицитных процессов характеризуются разрозненностью и фрагментарностью. Выделение разновидностей (когнитивных, социально-психологических, личностных, эмоциональных) имплицитных процессов предоставляет возможность выявления их специфического своеобразия, однако представляется необходимым определение особенности их взаимообусловленности и взаимодействия между собой, выявление их общей базы существования и функционирования. При исследовании имплицитных процессов в языке представляется важным ориентироваться на основные характеристики лингвокартины мира.

В лингвистике явление имплицитности исследовано на всех уровнях языка и с разных ракурсов. Так, например, встречается информативно-коммуникативный принцип рассмотрения данного явления (Л.В. Лисоченко), имплицитность исследована с позиций семасиологии (В.В. Мартынов), в рамках теории фреймов (М. Минский). В целом, на сегодняшний день

теоретико-методологическая база исследования проблемы имплицитности в отечественном языкознании может быть представлена следующим образом:

– исследование имплицитности в качестве языкового феномена в грамматике (С.Д. Кацнельсоном, Б.Л. Уорф, А.В. Бондарко и др.);

– исследование имплицитности в исследованиях по синтаксической семантике (Г.Г. Почепцовым, И.П. Сусов, Л.В. Лисоченко, Ю.С. Мартемьянов, Н.Д. Арутюнова др.).

– категориально-лексическая семантика слов, в которых наблюдается иерархическая организация семантических компонентов (в зависимости от степени эксплицитности и имплицитности), стала предметом исследования в большом количестве исследований, в том числе в работах [Н.И. Формановской], Е.Г. Борисовой, Л.Г. Бабенко и др.;

– обширными и важными являются исследования не прямых коммуникаций, отраженные в трудах А. Вежбицкой, В.В. Дементьева, С.А. Борисовой, Н.С. Плотниковой, О.В. Бойко и др.

В кабардино-черкесском языкознании явления имплицитности и эксплицитности издавна исследовались языковедами без их обозначения специальными терминами «имплицитность» и «эксплицитность». Начиная с 1980-х годов, в национальной лингвистике появляются обозначенные выше термины «имплицитность» и «эксплицитность». Однако важно отметить, что в национальной лингвистике есть лишь небольшой список работ поверхностно затрагивающих исследуемые в настоящей работе проблемы, в которых предпринималась бы попытка комплексного и системного изучения явления имплицитности.

В представленном исследовании *имплицитность* понимается как существование неявных, скрытых, а в некоторых случаях и подразумеваемых смыслов, выводимых участниками коммуникации из явного эксплицитно вербализованного смысла посредством обращения к фоновым знаниям коммуникантов и интенциям продуцента (автора высказывания). Основным условием возникновения имплицитности высказываний или языковых

структур являются ассиметричные взаимосвязи и взаимоотношения плана содержания и плана выражения.

Таким образом, в современной науке существует несколько вариантов понимания имплицитности, например, как формы знания, информации, подразумеваемого смысла высказывания. На сегодняшний день ученые по-разному понимают явление имплицитности, при рассмотрении различных источников ее возникновения и сфер функционирования. На наш взгляд, наиболее результативным окажется комплексное изучение имплицитности с одновременным учетом специфики текста, знаний адресата (слушателя, продуцента, читателя, интерпретатора) и интенций автора.

Вторая глава «Имплицитность в лексико-грамматической системе кабардино-черкесского языка», состоящая из двух параграфов, посвящена проблеме выявления, систематизации и описания различных структур кабардино-черкесского языка, так или иначе коррелирующих с явлением имплицитности. Универсальность имплицитного способа воспроизведения информации в разных языках обуславливает содержание имплицитных компонентов во многих синтаксических структурах этих языков. В данной части работы мы исследуем имплицитность на лексическом уровне (на уровне слова и словосочетания). Явление имплицитности пронизывает все сферы и уровни языка, будучи закономерностью, внутренне присущей языку формой его функционирования. Из всех уровней языка имплицитные значения не проявляются лишь в фонетике.

В кабардино-черкесском языке на уровне слова имплицитная информация присутствует в аббревиатурах и сокращениях слов. Например: *КъБР – Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэ – Кабардино-Балкарская Республика; УФ – Урысей Федерациэ – Российская Федерация, н.ку. – нэгъуэщI куэди – и многое другое.*

Расшифровка распространенных в конкретном языке, устоявшихся, общепринятых аббревиатур для носителей данного языка не представляет

какой-либо трудности, а для представителей других лингвокультур они составят определенную сложность.

В кабардино-черкесском языке встречается большое множество сокращений и аббревиатур, заимствованных из русского языка. Например: «Аргуэру **райком**ым и лыклуэр къэтэджри лэ къыцлац «Зэ фыкъэдалуэт», – жыхуилэу» [КІэрэф М. Лъэужь е лІэужь. Н. 172]. – «Снова представитель **райкома** [районного комитета. – З.С.] встал и помахал рукой, имея в виду «Послушайте-ка сюда». Приведем еще один пример: «**Колхозыр** щызэхыхьэм [Хьэбибэ] жэм лахам «Хьэблашэт» зэреджэр» [Кыщокъуэ А. Тхыгьэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ. IV том. Н. 6]. – «Корову, которую у нее [у Хабибы] отняли во времена создания **колхозов** [коллективных хозяйств. – З.С.], звали «Хаблашей». Несмотря на то, что приведенные сокращения заимствованы из русского языка, их функционирование в кабардино-черкесском языке представляется вполне естественным, что подтверждается наличием в них аффиксов эргативного (**райком**ым) и именительного (**колхозыр**) падежей.

Для расшифровки значений приведенных выше аббревиатур и сокращений, читателю или слушателю необходимы фоновые знания о конкретных явлениях, реалиях, событиях, характеризующихся этноментальной спецификой.

Одной из форм проявления имплицитности на уровне слова выступают местоимения. Благодаря местоимениям, в функции которых входит только «замещение» лиц, предметов или каких-либо фактов и явлений, а не название их полнозначных имен, в коммуникации или тексте устраняются повторы и избыточности речи. Именно поэтому представляется возможным и правомерным восприятие местоимений и местоименных слов как особого средства выражения имплицитности. Так, местоимение «ар» (другие падежные формы данного местоимения – *абы, абыкІэ, арауэ*), выполняющее одновременно функции личного местоимения третьего лица и указательного местоимения третьей отдаленности (обозначающий предмет, находящийся

далеко и вне поле зрения коммуникантов) , в условиях отсутствия категории рода в кабардино-черкесском языке может выступать обозначением лица или предмета всех трех (мужского, женского и среднего) родов. Например: *«Лыжым плацлэу, плацлэу зыкълэтац, гьуэлъынлэ лэдийм еуцлэкла халатым есэбэуац, цыхубзым зэрызрагъэубыд хабзэм хуэдэу, и лэблэ гъэшар пыгуфлыкълу Маржан хушиац. Ар кыщызэфлэувам плъагъурт и лэпкълэпкъ псомкли и зылыгъыклэмкли и цлалэгъуэм цыху бжъыфлэ ехъэжъауэ зэрыщытар, иджыри а бжъыфлагъэ жъауэр тетт»* [Клэрэф М. Лъэужь е лэужь. Н. 8]. – *«Старик в спешке, в спешке поднялся, стряхнул пыль с халата, висевшего на спинке кровати, так, как протягивают руку женщине, улыбаясь, протянул Маржан согнутую в локте руку. Когда он поднялся, было видно по всей его комплекции и умению держаться, что в молодости был солидным, до сих пор в его внешности оттеняла эта представительность»*. В приведенном примере только из контекста (т.е. из предыдущего предложения) становится понятным, что местоимение «ар» обозначает лицо мужского пола, т.к. имплицитно старика. С таким же успехом в других контекстах и коммуникациях местоимение «ар» может имплицитно обозначать лицо или предмет женского рода, а также лицо или предмет неопределенного или нейтрального рода.

Кабардино-черкесский язык располагает следующими типами местоимений: *личные* (щхъэ цлэпапщлэ), *указательные* (зыгъэлъагъуэ цлэпапщлэ), *вопросительные* (зэрыупщлэ цлэпапщлэ), *относительные* (относительнэ цлэпапщлэхэр), *притяжательные* (еигъэ цлэпапщлэ), *возвратные* (зыгъээж цлэпапщлэ), *отрицательные* (мыхъуныгъэ цлэпапщлэ), *определяющие* (белджылы цлэпапщлэ), *неопределенные* (мыбелджылы цлэпапщлэ). Каждое из перечисленных типов местоимений в той или иной степени имплицитно несет в себе некоторую информацию. Более того, они изначально по природе являются имплицитными. Обратимся, например, к возвратному местоимению «езыр» – «сам». Его употребление вне контекста и без привлечения фоновых знаний приведет к непониманию (или неполному

пониманию) реципиентом (читающим, слушающим, адресатом) получаемой им информации. Например, в предложении *«Езыхэр цхьэпэлъагэц, уардэц, я цхьэм пцІэ зэрыхуацІыжыр хэти фэуэ тетц, я псалъэ ини зэхэпхынукъым»*. – *«Сами высокие, статные, с чувством собственного достоинства, и не услышишь от них громких слов»* в возвратном местоимении «езыр» – «сами» имплицированы некоторые лица, которые находятся в статусе неизвестных в контексте данного предложения. Для того, чтобы понять, кто подразумевается под «сами», следует обратиться к предыдущему предложению: *«Пцыр яхоплэ и уэркъхэм: цей екІухэр яцыгэц, я лъахъстэн вакъэ пІацІэр яцыкъузац, хъэзыр Іупэхуц, я блэм цІакІуэ едзэкІац, я къами, я сэшхуи, я фоч кІэцІи дыцэрэ дыжъынкІэ цІэгъэнаци, дыгъэм полыд»*. – *«Князь разглядывает своих дворян: они в красивых черкесках, в тонких сафьяновых обувях, их винтовки, отделанные золотом и серебром, блестят на солнце»* [Къандур М. Кавказ. Н. 200]. Как видно, только в предшествующем предложении становится понятным, что в местоимении «сами» имплицированы дворяне.

Неопределенные местоимения «гуэр», «зыгуэр» изначально по своей природе имплицированы и не всегда требуют экспликации зашифрованной в них информации по причине того, например, что речь идет о незнакомом человеке или неизвестном предмете или ситуации. Например: *«Мис абыхэм яцыц зыгуэр и пІэцхьагъыр дигуэшатэмэ – тхъатэкъэ Айгюль»* [Шортэн А. Бгырысхэр. Н. 628]. – *«Вот если бы с кем-то из них смогла соединить свою судьбу – было бы прекрасно для Айгюль»*.

В других случаях неопределенные местоимения могут быть обозначением некоторого абстрактного понятия, общей ситуации, некоторого признака предмета, явления и т.д. Например: *«Бекович-Черкасскэр Кавказым къызэрыкІуэж лъандэрэ, Іэмал гуэр цигъуэтым деж, ллакъуэлІэш цІалэгъуалэр урыс къулыкъум хишэну хэтт, ахэр ижъкІэрэ зыхэту цыта зекІуэмрэ хъуницІэмрэ къабгъэдишын мурад иІэу, нэхъыцхъэжу – пацтыхъым хуэІуэхутхъэбзацІэ ицІыну, езыми – ар*

къехъулIэу щытмэ – абыкIэ и начальникхэм я пащхъэ зыщиIэтыну» [Шортэн А. Бгырысхэр. Н. 485]. – «С тех пор, когда Бекович-Черкасский вернулся на Кавказ, когда представлялся **какой-либо** случай, старался привлечь молодежь тлекотлешей¹ к русской службе, пытаясь отвлечь их от таких древних занятий, как наездничество и грабежи, а главное – сделать из них прислужников царя; и **самому** – если удастся осуществить задуманное – тем самым возвыситься в глазах начальства». Кроме того, в приведенном примере встречается случай замены имени (точнее, фамилии Бекович-Черкасский) местоимением (самому), благодаря чему автору удалось избежать тавтологии в тексте.

В кабардино-черкесском языке носителями имплицитной информации могут выступать так называемые слова-заменители. В большинстве случаев словами-заменителями выступают существительные с обширной семантикой, которые, заменяя уже названные объекты или предметы, избавляют текст или высказывание от тавтологий. Слова-заменители коррелируют с тем, о чем уже было упомянуто в тексте. Их основные функции – экономия языковых средств, устранение избыточности речи и повторов.

Чаще всего наблюдается замена собственных имен нарицательными. Например: «**Тимуррэ Джэфаррэ** ныбжьэгъушхуэ къыхуэхъуащ Ахъмэт. Щымахуэ жэщыр кIыхъкъэ: **пицIантIэм жьыбгъэр цофий, щIалэ цIыкIуитIым** Ахъмэт и куэщIым зрагъэзэгъащи, я тхъэкIумэ тегъэхуауэ нарт хъыбарыжьхэм йодаIуэ» [Къандур М. Кавказ. Н. 82]. – «**Тимур и Джэфар** очень подружились с Ахматом. Зимние ночи ведь длинные: во дворе свищет ветер, два мальчика, усевшись на колени Ахмата, наострив уши, слушают нартские старинные легенды».

Носителями имплицитной информации в кабардино-черкесском языке на уровне лексем могут выступать некоторые разновидности тропов – изобразительно-выразительных средств. Кроме образной, эмоционально-

¹ Тлекотлеш (лIакъуэлIэш) – устар. представитель кабардинского дворянского сословия, стоявшего на втором месте после князей [259:504].

окрашенной передачи информации, тропы выполняют функцию имплицирования (шифровки) информации и ее передачи. Подобной способностью обладают метафора, метонимия, синекдоха и в некоторых случаях эпитет. Например: «*IIIэ тыншыр зэригъуэту бзыльхугъэр наIэзынIэм Iурихащ*» [ШэджыхъэщIэ Хъ. Мазизэ. Н. 16]. – «*Как только обрела удобную кровать, женщина вмиг заснула*». В данном предложении эпитет «*тыншыр*» – «*удобный*», с одной стороны, имплицировывает в себе признаки (или характеристики) этой «удобности» – мягкость, теплота, чистота постели и т.д. С другой стороны, в анализируемом эпитете может быть имплицирована иная информация – т.е. причина, связанная с тем, почему кровать (или постель) оказалась удобной для героини – по контексту и сюжету произведения она была очень уставшей, измученной морально и физически. Таким образом, в эпитете «удобный», выступающем одной из форм контекстуально-ситуативной имплицитности, зашифрованы две разновидности информации, коррелирующие с конкретным предметом (кроватью) и определенной ситуацией (состоянием героини произведения).

Еще более глубинной имплицитностью, чем эпитет, характеризуются метонимия и синекдоха. Свидетельством того, что эти и некоторые другие тропы являются одними из форм проявления контекстуально-ситуативной имплицитности, может служить следующий пример: «*Ануар щIалэ пхъашэщ, къыщIигъэзэн щыIэкъым*» [Къандур М. Кавказ. Н. 300]. – «*Ануар парень храбрый (мужественный), нет преград (причин), перед которыми он отступил бы*». В «Словаре кабардино-черкесского языка» даются следующие толкования слову «*пхъашэ*»: **1.** крупнозернистый, крупного помола (*о сыпучих веществах*); **2.** шероховатый, шершавый; **3.** жесткий, грубый; **4.** перен. храбрый, мужественный [Адыгэбзэ псалъалъэ, 1999: 578]. Из этих значений к указанному выше примеру применимо лишь четвертое – «храбрый», «мужественный», что обусловлено контекстом произведения и конкретной ситуацией. Данный факт свидетельствует о контекстуально-

ситуативной имплицитности лексемы «*пхъашэ*» в приведенном предложении.

Имплицитной природой характеризуется синекдоха в кабардино-черкесском языке. Приведем пример из диалога, свидетелями которого мы стали на автобусной остановке одного из сельских поселений КБР:

– *Жэмтхэлэр кIуа?*

– *Жэмтхэлэр къэсакъым, Зэрэгъыжыр кIуащ.*

– *Жемтала поехала?*

– *Жемтала еще не приехала, Зарагиж поехал (или проехал).*

В данном контексте названия населенных пунктов Жемтала и Зарагиж представляют собой метонимию, т.е. под ними имеются в виду автобусы (или другие виды общественного транспорта), отправляющиеся из этих поселений. Полноценный эксплицированный диалог звучал бы следующим образом:

– *Жэмтхэлэ автобусыр кIуа?*

– *Жэмтхэлэ автобусыр къэсакъым, Зэрэгъыж автобусыр кIуащ.*

– *Жемталинский автобус поехал?*

– *Жемталинский автобус еще не приехал, Зарагижский автобус поехал (или проехал).*

Как видно, в данном контексте метонимия способствует экономии языковых средств, устранению повторов и избыточности речи. Однако в метонимиях «*Жемтала*» и «*Зарагиж*» зашифрован не только конкретный предмет (автобус), но и имплицирована информация о существовании населенных пунктов, именуемых Жемталой и Зарагижем. Кроме того, понимание данной ситуативной коммуникации предполагает наличие у коммуникантов фоновых знаний об этих поселениях – например, знание республики, района, куда они входят, географическое место их расположения, возможно знание истории их основания, известных, прославленных личностей из этих сел и т.д.

Носителями имплицитной информации могут также выступать собственные имена. Так, например, в речи одного из ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном из радиопередач прозвучала фраза: «*Сыт хуэдэ бий ди щыгум къебгъэрыкIуэми, Гитлер и махуэр къыхуэдгъэкIуэни!*». – «*Какой бы враг не ступил на нашу землю, обеспечим ему участь (или судьбу) Гитлера!*». В данном контексте в собственном имени Гитлер имплицирована огромная информация относительно конкретной эпохи (период войны), глобального события (определенной войны – Великой Отечественной) и значимой исторической личности (Гитлера). И только фоновые знания продуцента (в данном случае слушателя) по обозначенным пунктам помогут ему эксплицировать имплицированную в «Гитлере» информацию из приведенного контекста.

Одной из форм проявления имплицитности в кабардино-черкесском языке являются междометия и оноματοпоэтические (образо- и звукоподражательные) слова. Их имплицитная природа отчасти объясняется этноспецифическими характеристиками, т.е. в каждом языке функционирует определенный набор междометий и звукоподражаний, свойственных лишь данному конкретному этносу, культуре, лингвокультуре. Именно поэтому фоновые знания коммуникантов играют важную роль при восприятии и понимании оноματοпоэтической лексики. При этом одно и то же междометие в различных контекстах может имплицировать разную информацию. Приведем примеры с междометием «*мыгъуэ*», выражающим в кабардино-черкесском языке разные чувства и эмоции (боль, страдание, удивление, возмущение и т.д.):

1) «– *Хъэуэ мыгъуэ! Арамэ, удэкIуэтэнти... и дзэзешэ фи хэку щылахэщ!*» [МафIэдз С. ЩIакIуэ фIыщIэ. Н. 64]. – «*Нет, к сожалению! Если бы так, было бы терпимо (можно было бы смириться)...* »;

2) «*Мэт-Джэрий и лъабжъэм зыщIигъэджэрэзауэ къипщэпщыхъырт: «Сыщыуащ, сыщыуа мыгъуэщ си жьыщхъэ, ауэ сомыукI!»* [МафIэдз С.

ЩақІуэ фІыцІэ. Н. 64]. – «*Ползал перед Мат-Гери: «Ошибся, ошибся, о горе, на старости лет, но не убивай меня!»*».

Если в первом предложении имплицировано явное сожаление, то втором интегрированы чувства покаяния, сожаления, безысходности.

Носителями имплицитной информации в кабардино-черкесском языке могут выступать слова со специфической ограничительной или добавочной семантикой – такие, как «къудей», «аркъудей» – «только», «даже», «иджыри» – «еще», «еще раз», значения которых зависят от конкретной ситуации и контекста. Например: «– УкъызэрыкІуэжрэ махуищ хъуащи, псыхъэ **къудей** ущІэкІакъым» [ШэджыхъэщІэ Хъ. Мазизэ. Н. 10]. – «– Прошло три дня с тех пор, как ты вернулась, а ты **даже** за водой не выходила». *Здесь имплицирована информация о том, героиня произведения не только за водой, но и по другим поводам и причинам не выходила из комнаты (дома), т.е. закрылась не только внешне, но и замкнулась внутренне.*

Носителями имплицитной информации в кабардино-черкесском языке могут выступать жаргонизмы и молодежные сленги. Например: «*АрихъэкІэ яутІыпщыж хъуну къалъытакъым. Хэт **ІунІэн** хуейщ жиІащ, хэти здэкІуэм гъэру здашэмэ нэхъ губзыгъагъэу къильытащ*» [КІэрэф М. Лъэужь е лІэужь. Н. 116]. – «*Однако не посчитали нужным отпустить [его, ее, их]. Кто-то сказал **прикончить**, а кто-то посчитал правильным брать в плен и увезти с собой*». Слово «*ІунІэн*» в кабардино-черкесском языке имеет два значения: 1) прикрыть, закрыть что-либо; 2) убить, уничтожить кого-либо [Адыгэбзэ псалъалгъэ, 1999: 848]. В данном предложении оно использовано в значении «прикончить», по причине того, что в нем имплицировано пренебрежительное, беспощадное отношение к пленному.

Уровень словосочетания по сравнению со словом представляет собой наиболее обширное пространство для исследования явления имплицитности. На данном уровне имплицитность проявляется в семантических стяжениях, конденсатах, эллипсисах.

В кабардино-черкесском языке так же, как и в русском и других языках, наблюдается функционирование словосочетаний с имплицитной семантикой, обусловленной выпадением (или намеренным опущением) в их структуре некоторых элементов. Приведем примеры: «*Мыхэр улэгъэ хуцхъуэрэ ар зэрапхэнрэци*» [КІэрэф М. Лъэужь е лӀэужь. Н. 318]. – «*Это лекарство для раны и для ее перевязки*». В данном предложении в сочетании «*улэгъэ хуцхъуэ*» – «*лекарство для раны*» имплицировано слово «*зэрагъэхъуж*» – «*лечения*», т.е. полное эксплицированное сочетание выглядело бы следующим образом: «*улэгъэ зэрагъэхъуж хуцхъуэ*» – «*лекарство для лечения раны*».

В кабардино-черкесском языке представляется возможным рассмотрение семантико-синтаксических стяжений в качестве словосочетаний с имплицитным значением. Наряду с избыточными и трансформированными сочетаниями лексем, они выступают разновидностями так называемых «свернутых словосочетаний» – например, таких, как «*фызыфI*», «*лIыфI*» и т.п. Имплицированный смысл стяжений «*фызыфI*» – «*хорошая жена (женщина)*» и «*лIыфI*» – «*хороший муж (мужчина)*» может быть понятен лишь тем коммуникантам, которые обладают фоновыми знаниями, помогающими им разложить данные стяжения на этимологические компоненты: «*фыыз*» – «*жена (женщина)*» + «*фIы*» – «*хорошая*», «*лIы*» – «*муж (мужчина)*» + «*фIы*» – «*хороший*».

В кабардино-черкесском языке есть устойчивые сочетания, употребляющие в переносном, образном значении, в которых наблюдается явная и намеренная асимметрия между планом содержания и планом выражения, что является одним из признаков имплицитности. Речь идет о фразеологизмах, идиомах, эвфемизмах, крылатых выражениях и т.д. При устойчивом характере смысла этих сочетаний, им одновременно свойственна ситуативность, т.е. требуют конкретизации в разных коммуникативных ситуациях или дискурсах. Поэтому мы можем рассматривать их как одну из форм проявления имплицитности в языке.

Особой формой проявления имплицитности в кабардино-черкесском языке являются эвфемизмы, характеризующиеся устойчивым скрытым

смыслом, независимым от контекста. Другими словами, эвфемизмы представляют собой разновидность системно-языковой имплицитности. Они функционируют как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях языка.

В кабардино-черкесском языке есть группа имплицированных сочетаний-эвфемизмов, употребляющихся по отношению к беременной женщине, беременности и родам. Например, по речевому этикету при констатации факта беременности более эстетичным считается использование словосочетания «*лажъэ (дагъуэ) иІэ*» – букв. «имеет недомогание (изъян)», чем «*лъэщыджэ*» – «беременна». В других контекстах словосочетание «*лажъэ иІэ*» переводится как «виновен(а)». То же самое наблюдается в таком случае эвфемизации, когда слово «*лъхуэн*» – «рожать» заменяется на «*сабий (бын) гъуэтын*» – букв. «обрести ребенка».

Таким образом, в ходе исследования, проведенного во второй главе квалификационной работы, выявлено что в кабардино-черкесском языке на лексико-грамматическом уровне проявляются два вида имплицитности – контекстуально-ситуативная и системно-языковая, отличающиеся типом фоновых знаний, на которых они базируются. В том случае, когда имплицитное высказывание опирается на знания коммуникантов о конкретной ситуации, определенной культуре, лингвокартине мира и т.д., речь идет о контекстуальной (эксплицируемой из контекста) имплицитности. Если высказывание основано на универсальных знаниях о мире (например, на знании о том, что земля круглая), то имплицитность определяется как системно-языковая.

В третьей главе «Имплицитность на синтаксическом уровне кабардино-черкесского языка», включающей два параграфа и два подпараграфа, исследовано явление имплицитности на уровне простого и сложного (по отдельности сложносочиненного и сложноподчиненного) предложения. В этой части работы выявлено, что в синтаксисе кабардино-черкесского языка имплицитность проявляется на уровне простого и сложного предложений. При этом имплицитность наблюдается не только в

содержаниях, но и структуре и связях между частями сложного предложения, в том числе и бессоюзного.

Имплицитную информацию могут содержать не только неполные, но и структурно-полные предложения. Например, признание неопределенно-личных предложений полными не препятствует содержанию и выявлению в них имплицитной информации, а именно – имплицитно выраженного субъекта.

На уровне простого предложения формами проявления имплицитности выступают разные виды синтаксических конструкций:

- структурно-полные, но семантически неполные;
- семантически полные, но структурно-неполные;
- семантически и структурно неполные.

Подобные конструкции, как правило, не содержат исчерпывающей информации, т.е. некоторая часть содержания (смысла) подвергается имплицированию.

Проблема имплицитности в кабардино-черкесском языке непосредственно связано с наличием в ней категории определенности и неопределенности, а также выделением индефинитной, номинативной, эргативной разновидностей конструкций, первая из которых изначально характеризуется структурно-семантической имплицитностью. В номинативных и эргативных конструкциях степень имплицитности ниже, чем в индефинитной. Чаще всего в них наблюдается контекстуально-ситуативная имплицитность.

В кабардино-черкесском языке вопрос о семантической неполноте выходит на проблему односоставности. При этом в разных синтаксических конструкциях степень имплицитности выраженной в них информации может быть различной: например, в обобщенно-личных и безличных предложениях имплицитность проявляется в наибольшей степени, чем в определенно-личных или номинативных.

Имплицитной конструкции, как отдельной самостоятельной синтаксической категории, в языке не существует. Однако есть конструкции

с имплицитным смыслом типа фразеологизмов, паремий, эллипсисов, зевгматических и неполных предложений и т.д. Кроме того, имплицитность может иметь место как в одной лексеме, так и в структурно или семантически полных предложениях. Таким образом, в нашем исследовании речь идет о *конструкциях с имплицитным смыслом*.

В кабардино-черкесском языке на уровне сложносочиненных предложений имплицитность проявляется в зевгмах (зевгматических предложениях); эллиптических предложениях; конструкциях пояснительно-изъяснительного характера; бессоюзных предложениях с условным и условно-вопросительным значением; бессоюзных предложениях, предикативные части которых соединены временными отношениями.

На уровне сложноподчиненного предложения нет определенной синтаксической формы (т.е. конкретно, по тем или иным правилам структурированной конструкции) проявления имплицитности. В сложноподчиненных конструкциях степень имплицитности обнаруживается ниже, чем на других уровнях языка. Тем не менее, имплицитность проявляется на семантическом и структурном уровнях в сложноподчиненных конструкциях, предикативные части которого связаны причинно-следственными отношениями.

В целом, в кабардино-черкесском языке на синтаксическом уровне выявлены две формы проявления имплицитности – контекстуально-ситуативная (опирающаяся на контекст и фоновые знания) и системно-языковая (базирующаяся на общих знаниях о мире и знании языка, его грамматического строя).

В *Заключении* работы подводятся итоги исследования и приводятся выводы и обобщения к ней.

Библиография насчитывает из 320 источников, из них: 269 научных трудов, 13 словарей, 25 источников художественных текстов и 13 электронных ресурсов.

Основные выводы и результаты исследования

Основной вывод исследования, проведенного в представленной выпускной квалификационной работе, заключается в том, что в кабардино-черкесском языке имплицитность представляет собой универсальное и уникальное явление, пронизывающее все уровни, начиная от лексем, заканчивая сложноподчиненным предложением и текстом.

Анализ кабардино-черкесского языкового материала показал, что процессы образования имплицитных структур являются регулярным явлением как на лексико-грамматическом, так и на синтаксическом уровнях языка. При этом важно подчеркнуть многообразие не только уровней конструкций с имплицитным смыслом, но и их разновидностей, а также разнообразие лингвистических результатов, к которым они ведут. Таким результатом, к примеру, является экономия речевых и мыслительных усилий, а также языковых средств.

В некоторых случаях имплицитность способствует возникновению идиом или коммуникем. Основной целью большинства имплицитных конструкций является избежание тавтологий или элиминация модусных звеньев, так как лексическое наполнение эксплицитных звеньев, а также интонация могут содержать в себе отношение к семантике высказывания.

Имплицитные конструкции кабардино-черкесского языка отличаются высокой степенью экспрессивности, в них наблюдается наличие дополнительных коннотаций. Их конвенциональная закрепленность в языке обеспечивает свободное использование в коммуникации и дискурсе. Этим и обусловлено то, что в большинстве случаев отсутствует необходимость в их экспликации.

Результаты диссертации станут перспективой дальнейших исследований проблемы имплицитности. Обширное и детальное изучение данного явления будет способствовать более полному исследованию других языковых явлений и процессов (соотношение языка и речи, языка и мышления, языка и культуры и др.).

**Основное содержание диссертации изложено
в следующей публикации:**

1. *Сокурова З.З.* Исследование понятия имплицитности в отечественной и кабардино-черкесской лингвистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2017. №11. Ч.2. – С. 154–157.